

Социологические науки

УДК 316.277.4

Крайнюков Алексей Николаевич

*доктор географических наук, профессор,
профессор кафедры экологической безопасности и экологического образования
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина*

Крайнюков Олексій Миколайович

*доктор географічних наук, професор,
професор кафедри екологічної безпеки та екологічної освіти
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна*

Krainiukov Oleksii

*Doctor of Geographical Sciences, Professor
V.N. Karazin Kharkiv National University*

Кривицкая Иветта Анатольевна

*доцент кафедры экологической безопасности и экологического образования
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина*

Кривицька Іветта Анатоліївна

*доцент кафедри екологічної безпеки та екологічної освіти
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна*

Kryvytska Ivetta

*Associate Professor
V.N. Karazin Kharkiv National University*

Крайнюков Андрей Алексеевич

*студент социологического факультета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина*

Крайнюков Андрій Олексійович

*студент соціологічного факультету
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна*

Krainiukov Andrii

*Student of Sociological Department of the
V.N. Karazin Kharkiv National University*

**«КРИЗИСЫ»: ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
«КРИЗИ»: ИНТЕРПРЕТАТИВНИЙ ПОТЕНЦІАЛ
ФЕНОМЕНОЛОГІЧНОЇ СОЦІОЛОГІЇ
“CRISES”: INTERPRETATIVE POTENTIAL OF
PHENOMENOLOGICAL SOCIOLOGY**

Аннотация. В работе представлен генезис понятия «кризиса» и «кризисного» и его использования в теоретических изысканиях социологов, выступающих с объективистских позиций, что противопоставляется интерпретации этих понятий со стороны субъективистской концепции феноменологии в социологии, сквозь призму которой было рассмотрено «кризис» и «кризисное».

Ключевые слова: кризис, феноменология, институционализация.

Анотація. У роботі представлений генезис поняття «кризи» і «кризового» і його використання в теоретичних дослідженнях соціологів, які виступають з об'єктивістських позицій, що протиставляється інтерпретації цих понять з боку суб'єктивістської концепції феноменології в соціології, крізь призму якої було розглянуто поняття «кризи» і «кризового».

Ключові слова: криза, феноменологія, інституціоналізація.

Summary. The paper presents the genesis of the concept of “crisis” and its use in theoretical studies of sociologists who take objectivist positions, which

contrasts with the interpretation of these concepts by the subjectivist concept of phenomenology in sociology, through which the “crisis” were investigated.

Key words: *crisis, phenomenology, institutionalization.*

Актуальность проблемы. Однозначное трактование «кризисного» и «кризиса» позитивистским мировоззрением и/или методологией в социологии закрывает пути для дальнейшего развития этого понятия, которое используется теоретиками как служебное. Несмотря на свою вспомогательную функцию, понятие «кризиса» и «кризисного» и того, что оно описывает, играет значительную роль во многих научно-исследовательских работах, которые, однако, игнорируют субъективистскую позицию насчет «кризиса» и «кризисного». Альтернативная интерпретация не только может поставить под сомнения банальное и механистическое использование «кризиса» и «кризисного» для совсем небанальных и нетривиальных социальных референтов, но и даст новое толкование предложенных понятий для дальнейших теоретических построений.

Цель работы – определить, интерпретировать и установить место понятия «кризисного» и «кризиса» в феноменологической социологии.

Дюркгеймская традиция (речь идёт о ранних работах Э. Дюркгейма), которая аккумулировала, с одной стороны, мировоззренческий позитивизм, и, с другой стороны, количественную методологию проведения научно-исследовательской деятельности, стала фундаментом для изучения «кризисных» явлений и(ли) процессов. Проблематизация «кризисного» выступает вместе с изучением разделения труда, в ходе которого ученый вводит понятие «аномии» как недостаточности интеграции между различными социальными элементами ввиду невозможности реактивной адаптации их функций в ходе все большего их обособления (специализации или же дифференциации) [1]. Анормальное, дезорганизованное,

дезинтегрированное, «...беспорядочная неурегулированная человеческая деятельность с сопутствующими ей страданиями», – вот какие дескриптивные свойства «аномического» были выведены Э. Дюркгеймом при анализе и типологии актов самоубийства, которые, однако, он употребляет в контексте «периодов кризиса» [2, с. 130]. «Кризис» органично сливается с «аномичным», являясь пресуппозициональным компонентом выдвигаемых суждений. Эпикриз (социо)культурного и его кризиса излагается и другими социологами, испытавшими влияние позитивистско-функционалистской методологии, как, допустим, П. Сорокиным и Р. Мертоном. Использование «кризисного» с негативной коннотацией для описания, гиперболизации, метафоризации дисфункционального со стороны количественной методологии может полностью перевести «кризисное» в разряд исключительно служебных понятий, употребляемых как связующее звено в концептуальных построениях макротеоретиков, зачастую выступающих с реалистских позиций. Теряя другую перспективу – номиналистскую – «кризисное» в социологии превращается в сугубо научный конструкт, который, последовательно внедряемый в макротеоретические построения (позитивистский функционализм раннего Э. Дюркгейма, структуралистский функционализм Р. Т. Парсонса, функционалистский структурализм Р. Мертона, интенции П. Сорокина по конструированию интегративной метатеории) замещает собой субъективистские концепции, в особенности – феноменологическую.

«Явление кризиса» и «кризисное явление», сколь бы не была обманчива изоморфность этих понятий, предлагают нам кардинально разные интерпретативные возможности. «Явление кризиса», сциентистски подходящее для включения в социологический дискурс, предлагает нам превалирующее значение объективистского подхода на оси объективизм/субъективизм. «Кризисное явление» на смысловом уровне предполагает иное: явление становится кризисным в меру осознанности

этого явления как «кризисного» воспринимаемыми субъектами. Феноменологическая интерпретация предполагает субъективную перцепцию и оценку в отношении «кризисного», предусловием чего является логическая и аффективная возможность воспринимать «кризисное» (логическая – субъективное знание насчет «кризисности», аффективная – субъективные оценки насчет «кризисности») [3]. Таким образом, объективистская интерпретация в духе структурного функционализма содержит в себе имплицитное утверждение о том, что «кризис» и «кризисное» как и в логическом, так и в аффективном его восприятии конвенционально и консенсуально, то есть обладает общей значимостью и определенностью для всей социальной системы. Исходя из социологии знания, постулирующей конструктивистское начало социального (но его диалектическую взаимосвязь со структурным, что, резюмируя, можно назвать механизмом диалектического конструирования субъективно-объективных значений), институционализация, определяемая как «взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» [4, с. 37], отвергает функциональную интегрированность таких институтов. Для социальных институтов не является необходимым функциональная взаимосвязь. Говоря языком А. Шюца, каждый такой институт обладает своей схемой интерпретации и системой релевантностей, интересубъективно связывающий его деятелей, но не предполагающий соединения с другими институтами, что породило бы эмерджентную механистическую «тотальность» [3, с. 210]. Устойчивость, упорядоченность и целостность ожиданий, названных П. Бурдьё «оркестрацией без дирижёра» [5, с. 8-10], проявляют себя в отдельно взятых хабиитуализированных актах, которые, однако, основаны на разных рецептах воспроизводимости процедур этих действий. «Кризисное» конституируется в реальности повседневности лишь тогда, когда паттерны восприятия, оценивания и действия для воспроизводства такого хабиитуализированного акта не приводят к

удовлетворительным результатам, которые считались таковыми в прошлом. А. Шюц пишет: «Мы называем такую ситуацию кризисом — частичным, если он подвергает сомнению только некоторые элементы считающегося само собой разумеющимся мира, и полным, если он лишает значимости всю систему координат, саму схему интерпретации» [3, с. 266]. Интернализированные формы социальной жизни, являющиеся компонентом механизма конструирования субъективно-объективных значений, проистекают в диалектической взаимосвязи с объективацией и экстернализацией, должны быть поддерживаемы с помощью легитимаций, которые указывают на «знаниевую» и «ценностную» обоснованность таких значений (что, фактически, отсылает нас к логическому и аффективному восприятию) [4, с. 63-64]. Интернализированная реальность в повседневности поддерживается рутинными механизмами легитимации, а в ситуациях кризиса – кризисными механизмами легитимации. П. Бергер и Т. Лукман, хоть и латентным образом, проводят демаркацию между рутинным (повседневным, «само собой разумеющимся миром») и кризисным (тем, что разрушает наличные институциональные схемы восприятия, оценивания и (со)действия). С точки зрения феноменологии, кризисному предписывается дискретное свойство, которое нарушает реальность повседневности в ее конкретном институциональном проявлении. При этом, феноменологическая интерпретация «кризисного» не вписывает в логику функционирования того или иного института и соответствующих ему типизаций инвариантную бинарную кодировку относительно «кризисного», то есть кризис не является однозначно (дис)функциональным. Институты, в их феноменологическом понимании, остаются контингентными как и в определении «кризисного», так и в определении его значимости. Можно сказать, что социальные институты, в соответствии с социально сконструированными схемами типизаций, их принципами кодификации и классификации, системой релевантностей, статусно-ролевой

конфигурацией и легитимационными механизмами, как сами же и кодируют понятие «кризиса» и «кризисного», так и расшифровывают его, объясняя и обосновывая «кризис» и «кризисное». Не исключено, что понятие «кризисного», порожденное и заложенное самим социальным институтом, во-первых, таким образом, легитимирует собственное существование, и, во-вторых, конструирует специфический эталон восприятия и оценивания «кризисного». И, собственно, мы можем предполагать, что всякий социальный институт готов к принятию «кризисного» и к хабиитуализации «кризисного», то есть готов к трансформации того, что в данный момент деструктивно влияет на повседневность, в повседневное, «некризисное». Исходя из такого видения социальных институтов, мы можем заключить, что основополагающей функцией (которая является самим условием функционирования таковых институтов) социального института является рекуррентное устранение «кризисного» из повседневности и его перемещение и включение его в порядок повседневности, в сам социальный институт. Следует понимать, что «кризисное» и инструменты его хабиитуализации и обезвреживания конструируются в ходе самой институционализации, а потому и эффективными средствами поддержания такого института будут считаться таковые со стороны самого института, что, в принципе, исключает из значений этого социального института «полный кризис» шюцковского толка, так как здесь вступает в оппозицию «явление кризиса» («полного» в данном случае) и «кризисное явление», то есть сконструированный научными методами «кризис» и конструируемое понимание, оценивание и соответствующие меры в отношении «кризисного» со стороны отдельно взятого социального института (ведь субъекты внутри определенного института не могут помыслить схемы интерпретации, которые возникнут в случае его «полного кризиса», то есть спродуцировать неинституциональные значения в рамках данного института). А потому и

изучению подлежат «частичные кризисы», подталкивающие социальный институт к реформации собственных значений и/или кооптации социальных субъектов.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 576 с.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
3. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
4. Бергер П. и Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 123 с.
5. Бурдые П. Структура, габитус, практика. Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 40-58.